

РАДОСТНАЯ ВСТРЕЧА КОНЦА СВЕТА¹

На земле есть три места, где человеку даётся энергия из космоса. Но Бермудские острова, говорят, испоганили, на Гималаи сел пепел войны в Иране. Чтобы поговорить с Богом, остался один Алтай.

Анатолий
Цирульников

В Горно-Алтайске, на тянущемся параллельно горам Коммунистическом проспекте, я купил в ларьке «Приму» с изображением вождей революционного пролетариата и газету с объявлением: «Закупаю орех кедровый в любых количествах. Расчёт на месте». Послушал местное радио. Когда говорят по-русски, многое не понимаешь, а по-алтайски сразу схватываешь суть. «Крчи, крчи, былыгы, министерство, — скворчит местное радио, — крчи, крчи, Ирина Ивановна, крчи, крчи, налоговый кодекс...»

Кажется, что это «крчи-крчи» — фон, на котором происходят единственно достойные внимания события, но если переставить места и, напротив, сделать фоном проспект, вождей и подоходные налоги, то в раздающемся с небес щебете начинаешь различать какой-то смысл.

САМЫЕ ПРЕКРАСНЫЕ КАДРЫ — СМЕРТЕЛЬНО ОПАСНЫ

Чтобы добраться на знаменитую гору Белуху, мне надо было найти лошадь и проводника. В Тюнгуре справляли свадьбу, просили подождать. Пока я ждал, объявились два покойника: один человек с горя повесился, а другой с радости грохнулся в реку на мотоцикле с подвесного моста, и свадьба начала плавно перетекать в похороны. Я понял, что Белуху мне не увидеть. То есть ледники видно и невооружённым глазом, а нетающие снега — в тумане.

Я поселился на другой стороне реки, на турбазе, соединяемой с Тюнгуром страшеньким мостом, по которому никто не ездил, но на переезде висел ценник для разных видов транспорта: ГА — 16 р., ЛА — 10 р., МОТ — 5 р., ВЕЛ — 5 р., ПЕШ — 3 р.

Село будто вымерло. Оно было живописно прилеплено к скале и омывалось рекой, текущей с ледников. Чуть повыше вода была изумрудной, а ещё выше — белой от известняка и тающего снега. Весной цвёл багульник, которым питались маралы, и местные прозвали его маральником — малиновый, с синим оттенком — горы кажутся синими. А само село Тюнгур производит впечатление заброшенности: голое, без палисадников, двор школы зарос чертополохом, зерно на току сыпется и сыпется через щель на дорогу. В отделении связи выбиты стёкла и очень сомнительно, что отсюда с кем-то можно связаться.

Производств никаких нет. Если повезёт, за харчи можно наняться в мараловодческое АО закрытого типа (там крутятся большие деньги, его, как и багульник, тоже называют «маральником», но в другом смысле). В сезон местные прирабатывают на туристах: жарят, парят, водят в горы. На турбазе начальство относится к персоналу как к рабам, чуть что — крик, мат. Хозяйственник на старой «Волге» мотается между базой и деревней, пылит по единственной улице, названной именем красноармейца Сухова, чей поваленный, загаженный свиньями памятник стоит в конце деревни. Однофамилец легендарного киногероя вылеплен по пояс, в фуражке и с портупеей, — смотрит куда-то вдаль. А кругом этих мостов и рабов — горы, долины, пшеничные поля, ледники — красотища. Ну, как это всё связать?

А никак. Я живу на комфортабельной турбазе в избушке для вертолётчиков, которые давно не летают (если только крутые не залетят), и жду, когда закончатся похороны.

1

Этот материал завершает публикацию серии очерков «Чудные люди».

На турбазе помимо меня только один немец с переводчиком, приехавший на охоту. Вечером в бане разговорился с переводчиком, тот пожаловался на выпавшие испытания: сел на лошадь — она его укусила, слез — а она лягнула. Поговорили о том, что в Москве жить нельзя, все нервные, сумасшедшие...

В отличие от переводчика я на лошади не сидел ни разу в жизни и о предстоящем старался не задумываться. Величайшая и таинственная гора Алтай манила своими нетающими снегами, но свадьба, перешедшая в похороны, оставляла не много надежд, да и куда это я, подумалось, немолодой человек, попрусь? Мне ещё кое-что надо сделать... С другой стороны, уехать отсюда, ничего не испытав, вроде глупо. Большой риск надо компенсировать малым. От здешнего воздуха у меня забродила кровь и я понял, что буду искать приключений.

Договорившись с одним местным на счёт урока верховой езды, я на следующий день пришёл к назначенному часу, а мой наставник задерживался. Горное осеннее солнышко припекало. Мой сосед-немец собирался на охоту.

Часа через полтора, наконец, явился из деревни мой наставник. Другого коня он не привёл и на мой недоумённый вопрос сказал: «Нет коня. Возьми моего». Похоже, он не понимал ситуации. Этот славный парень, мой преподаватель, его звали Женька, был из деревни Кучерлы, до четвёртого класса учился там, потом в Тюнгуре закончил девятилетку. Мы начали всё сначала. Когда до него дошло, что для прогулки по окрестностям двум людям нужна не одна лошадь, а две, он хмуро посмотрел на меня и спросил: «А где взять?» Я показал на пригорок, оттуда слышались храп и ржание. Учитель мой ускакал. Через некоторое время раздался свист, и мимо меня бешено промчался парень на своём коне, догоняя какого-то другого. Сделав круг, неизвестный конь удрал за гору, а за ним и ловец. Я опять стал ждать на солнцепёке.

Охотники всё снаряжались. Немца с переводчиком сопровождали в горы два проводника, включая самого директора турбазы, немец был очень выгодный клиент и они вели его, невзирая на свадьбу и похороны. А я был не очень выгодным клиентом и поэтому, судя по всему, Белуха мне не светила. Отчаянная погоня за конём продолжалась. Уже целый табун, преследуемый моим учителем-мучителем, пронёсся мимо, с диким ржанием, круг за кругом, исчезая за пригорком и выныривая оттуда снова. Очень похоже на карусель. Вдруг из лесу вышел симпатичный конь со спутанными ногами, дружелюбно взглянул на меня и понимающе вздохнул. Но тут из-за горы снова выскочил парень со своим сумасшедшим табуном, и конь с гиком умчался.

Раздались оглушительные выстрелы. Это весёлый немец пробовал ружье. Звук был какой-то непоправимый.

Наконец, искусный наездник поймал-таки моего коня и стал объезжать. Тот не очень-то давался. Конь был здоровенный, а под моим преподавателем — вроде пони, но Женька сказал, что он шустрый, а мой спокойный. Мне так не показалось. Впрочем, обучение было недолгим; учитель помог мне забраться на коня, объяснил, как управлять, и мы пошли на ту сторону деревни по подвесному мосту, с которого на свадьбе свалился мотоциклист. Мост, как я уже говорил, был хорош и без коня, сам по себе, у него не было перил, а внизу, с высоты девятиэтажного дома, бурлила река, и я, похолодев от ужаса, равнодушно поинтересовался: как, мол, конь, не свалится? «Не, он туда не пойдёт, — отвечал мой наставник, показывая на край моста, — сам боится...»

Осознание, что конь тоже боится, меня неожиданно успокоило. Я понял, что он — разумный...

Есть две точки зрения на мир: обыкновенная и когда ты находишься на коне. Без него, смотришь, всё как везде: почта без стёкол, автолавка, школа. Ну, какая тут может быть в горах школа — в третьем классе дети парами встают у доски и

учительница спрашивает: два умножить на три, сколько получится, а один, сидящий за партой, отвечает. «Вот как учёные придумали!» — говорит учительница, объясняя наглядно правила умножения. Люди живут не хуже, говорит мне, как жили, так и живут. Просто денег не стало.

Другая ведёт урок, как будто детей в классе много. «Кто скажет?» А кто скажет, если их всего двое, Ирина и Люда, и эти-то двое, отвечая, встают. «Учись читать правильно — выведено над доской. — Не переставляй слова. Старайся не возвращаться, если понял. При чтении про себя не шепчи, не шевели губами...»

И совершенно другое дело, если думаешь о том же самом, но верхом на лошади. Совсем другой взгляд на жизнь, более приподнятый.

Здесь на коне начинают ездить раньше, чем разговаривать. Паренька собирает мать — и пошёл семь часов до отары к отцу, туда и обратно. Чего только не увидишь по дороге. Один член компании, ходившей на ходулях по деревенской улице (это у них тут модно), рассказал мне, как на Байде — там раньше жил богатый бай, а теперь стоянка стада, — тарелка пролетала. Такая круглая, плоская, на ножках и светила, но не шибко, разные цвета переливались, прошумела, как ветер... Ш-ш-ш...

Другой паренёк показал мне наскальные рисунки в пещере и как ловить хариуса на «самодур». Третий объяснил, откуда взялось название Тюнгур — шаман шёл, уронил бубен в котловину, а по-алтайски бубен — «тюнгу».

Здесьняя директор школы так и не поняла, зачем я сюда приехал, но на всякий случай постаралась меня из школы побыстрее выпроводить. И для этого снарядила экспедицию к стоянке древнего человека, отправив со мной в качестве проводника собственного сына, тут уж я назову его имя полностью — ученика 7-го класса Тимура Лямкина, с лошадьми «Карька» и «Бурка».

Директор тюнгуурской школы Людмила Владимировна прискакала вместе с

Тимуром на этой Сивке-Бурке галопом и объяснила, что идти нам недалеко — до Байды, оттуда к реке Качок, а там и Зелёный, где стоят бабы, тюркского, кажется, периода. Туда и обратно, сказала директриса, управитесь за день. «А дорога ровная?» — на всякий случай поинтересовался я. «Ровней не бывает», — улыбнулась мать и учитель моего проводника.

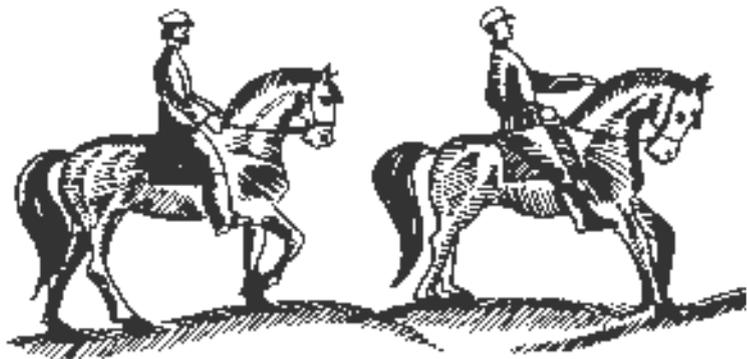
И вот мы отправляемся в путешествие — впереди Тимурка на Бурке, а за ним я на Карьке, переходя ручьи, взбираясь на горки, вот уже деревня осталась позади, и жёлтая отара протекла внизу как река, и дорога — ровная, как здешняя жизнь, неожиданно сузилась, прижимаясь к скале слева, а справа — обрыв, и горная речка всё дальше и медленнее течёт под нами. Мы идём по течению реки вниз, а кажется, что поднимаемся. В горах трудно определить, низ это или верх, когда преодолеваешь перевал. Бывает такой, что КАМАЗ с прицепом не вытягивает. А человек на лошади проходит, наблюдая быструю переменчивость погоды: только что шёл дождь, а здесь снег, а там вот — солнце. Жизнь — это перевал.

«Эй, Тимур, — кричу, — не так быстро!»

Он взмахивает кнутом, и белки перепрыгивают с дерева на дерево у нас над головой.

Я уже знаю, что такое идти шагом, иноходью, перестыю, рысью, до галопа, слава господи, ещё не доходило. День засчитывается за три, жизнь сама учит. Приходят мудрые мысли. Например, своего коня не надо дёргать понапрасну, особенно на обратном пути — сам дойдёт. Конь — как судьба. И сколько же, бывает, надо ума и терпения, чтобы довести всадника до места назначения. Взять моего коня: другой на его месте давно бы освободился от подобной ноши, а он лишь закусывает удила и рычит, показывая мне зубы — выражая усмешку. Но час от часу мы понимаем друг друга лучше, даже разговариваем.

Кажется, начинаешь понимать, какие разговоры, проходя огромные расстояния, вёл в старину всадник со своей лошадью. Почему у алтайцев конь — высшая ценность. Это надо испытать спиной, которую, не понимаю как, умелый наездник умудряется не сгибать, держать прямо и ни за что не хвататься руками, кроме поводьев, когда лошадь идёт круто вверх или спускается под углом, близким к прямому.

Как раз сейчас такие горки пошли.

«Эй, — крикнул я Тимуру, увидев прямо перед собой вертикальную плоскость, — ты куда?»

«Туда», — махнул он.

«Да как же она поднимется?»

«А вы её понукайте, понукайте», — объяснил мальчик, стегнув свою лошадь кнутом, и полез вверх.

Деваться мне было уже некуда — внизу ниткой бежала река, а сверху... Глаза бы мои не смотрели: после моста и тропы над обрывом это было следующее испытание. Я взмахнул кнутом и полез вверх, как муха по стеклу, сцепив зубы и схватившись что было сил за седло. Мой конь споткнулся, и камень выскочил из-под ног, и мы забрались на гору. Конь тяжело дышал, и было так высоко, что захватывало дух. А потом ещё нам надо было вниз, и мы пошли влево, вправо — зигзагом и спустились, и опять вверх, почти по вертикальной стене, я не удержался и оглянулся — за спиной горы сходились, блестела река, и в расщелине текла отара — страшная неопишуемая красота. Я подумал: отнять бы кадр, но это было физически невозможно, самые прекрасные кадры — смертельно опасны, и, наконец, мы вылезли на плато.

«Вон они», — показал Тимур на одинокие камни в траве.

Мы слезли с лошадей, которые от усталости тут же улеглись на землю. Подошли к каменным плитам, невысоким, с метр, некоторые плиты были повалены козами, другие, сказал Тимур, увезены туристами, и на одних посланцах тысячелетий были стёрты черты, но на других... проступали лица.

Такие же, как наши.

Говорят, что у этих каменных изваяний они собирались всем народом и проводили самоотчёт: как прожили год, каков приплод... В отличие от них мы, особенно в России, не знаем своего будущего, поэтому нас трясёт от него. А они прекрасно знали: где будет пастись скот, в какое новолуние появятся дети и как их назовут, — это был мир, в котором практически не было потрясений. Сейчас он выглядит как недостижимый идеал. История — это не прямая линия, а бесконечные перевалы, которые преодолеваешь, сам не зная зачем. Чтобы увидеть — что?

Тимур встал на колени, провёл ладонью по лицу на камне, и меня пронзило острое

ощущение: древнее плато, ветер колышет траву, мальчишка через тысячелетия вглядывается в своего предка...

Может, и нам утешение — что не уйдём просто так, что о нас вспомнят.

Назад возвращались в сумерках, торопясь

успеть до темноты. Лошади шли над обрывом. Я, доверившись, не дёргал поводьев. Не удерживал коня на равнине, и он вытряс из меня всю душу. Вдали показалась первая звезда. Встречный ветер нёс острые запахи осени. Душа пела. Я ощущал себя наездником из племени Чингисхана и был счастлив; впрочем, от бега коня находился в полусознательном состоянии. Когда он изредка переходил на шаг, я испытывал блаженство.

Небо было уже полно звёзд, и Большая Медведица показалась мне не опрокинутым ковшом, а игрушечной лошадкой.

Запрещённое слово

В горном селе Мендур-Соккон я встретил Николая Шодоева. Здешнего мудреца, которого и алтайцы многие не понимают. Он преподавал разные предметы в школе, исследовал, переводил со скал древние рисунки-петроглифы, изучал загадочные вещи и, в конце концов, пришёл к «билику». Шодоев несколько раз произнёс это слово, но боюсь, что я всё-таки наврал, спутал, как те французы, что его слушали, но что-то не так услышали. А я, говорит мне Шодоев, не хочу, чтобы потомки смеялись: вот напугал старик.

Но на старика не очень-то и похож. Смотрит на меня: мы с вами, наверное, одного возраста. Да, говорю... А вам сколько? Называет — ахаю, он на пятнадцать лет меня старше, а выглядит моложе. Наверное, из-за «билика». Перевести на русский трудно, можно сказать, наука, знание, народная алтайская мудрость.

Шодоев, когда ещё в школе учительствовал, составил словарь из тысячи пятистот алтайских слов, которые в обиходе не употребляют, — новые, хорошо забытые старые слова. И с их помощью написал учебные программы «по билику» для разных предметов — дети, как обычно, учат физику, математику, географию, историю, но добавляют из словаря Шодоева несколько слов. А в них то, что в учебниках не найдёшь. Например, «суус».

«Что это?» — «А если я вас спрошу, что такое душа, вы скажете?» — «Нет». — «А я вам буду рассказывать всю ночь до утра...»

«Душа» была запрещённое слово, говорит он. Как и «Алтай». Ни один человек не скажет, что такое Алтай, потому что это было запрещённое слово. А оно означает — мой кровный сокровенный Бог. В те времена, если бы директор школы Шодоев сказал — мой Бог, — сразу бы сняли. Или стал объяснять детям, что такое душа, — по литературе, истории, анатомии...

«А что такое душа по анатомии?»

Шодоев внимательно смотрит на меня. «Сколько человек здесь сидит?» — строго спрашивает он. «Двое», — отвечаю. «А я вам скажу — четверо».

И объясняет: если взять машину, включить аккумулятор, соединить плюс и минус, то машина побежит, оживёт. А человеческое тело мёртвое, что может его оживить? Суус — душа. Науке надо признать, что есть такой дух, который оживляет тело. «Сультер» — положительный заряд, «саксун» — отрицательный, если между ними контакт, тело оживает, контакт прерывается — смерть. И этого прерывания нет в науке, а в народном билике давно есть.

Тысяча пятьсот слов в этом невиданном словаре — огромные знания...

Я прошу Шодоева привести пример попроще.

Хорошо, говорит он, вот обыкновенный треугольник, по-алтайски «ючтулук» — три угла. По-русски говорят — катет, гипотенуза, теорема, а по-алтайски не говорят, какие у алтайца теоремы? Считается, что в языке этого нет. Хотя «текти» — катет. Вы были в селе Яканур, там живёт Тектиев, а спроси его, откуда фамилия, — не скажет. Или Тебуков, вы с ним встречались, «тэбук» — это гипотенуза. Откуда? А оказывается, алтайцы строили мосты и использовали понятие «треугольник».

Человек, знающий свой язык, считает Шодоев, выше учителя. Простой скот-

ник, если он не пьяница, умнее чиновника, знает, что такое хомут. Откуда пришло? Вы знаете? «Нет». — «На тюркском «ком» в переводе на русский «в середине пустая». Вот откуда произошёл хомут».

Если бы наше руководство, предполагает Шодоев, хоть немного уважало народ, оно бы само было духовно богаче и владело мудростью — биликом...

Но руководство им не владеет. Шодоев посылал свой словарь наверх, Ельцину, Путину, билик сделал круг и вернулся обратно на Алтай, в горное село Мендур-Соккон, что означает «град ударил».

Я заговорился с Шодоевым и забыл спросить, что это за история с градом. Кого ударил? Наверняка была какая-то необыкновенная история. Ландшафт предполагает. Здесь было когда-то море — Шодоев с учениками обнаружили ископаемые, кораллы у подножия Железной горы. Тюркские письмены были написаны на другой горе, её проходчики взорвали. От Средневековья дошли алтайская письменность и цифры — не арабские, а рассчитанные по фазам Луны. Буквы похожи на насечки на арбалете, М — как стрела, О — как молния...

Наука говорит, что человек был первобытным, жил в пещере, а в билике этого нет. В легенде никогда не говорят, что человек «тирлик» — дикий. Хоть сто тысяч лет назад, хоть миллион, когда жили алмыс — снежный человек и «полчихпаши» — шароголовый карлик...

Все эти легенды, цифры, буквы, отпечатанные на камне следы, Шодоев собрал в музей в здании бывшей начальной школы, и его дети (один сын — художник, другой — столяр и дочери) и ученики — помогли оформить залы. Там революция, тут колхозное строительство. Национальная одежда, за ношение которой в 30-е годы арестовывали. Сам Шодоев чудом после войны не угодил в сталинский лагерь: косил сено и случайно у коня жилы отрубил. В те времена это называлось «вреди-

тельством» — к счастью, ему ещё не было четырнадцати лет, а другого парня арестовали. Половину алтайцев истребили — знаменитых сказителей, художников, вроде подслеповатого, грустного Чороса Гуркина, написавшего великую картину «Хан Алтай». Если зайдёте в этот зал, говорит мне Шодоев, и почувствуете в организме какое-то ощущение, не бойтесь, это «двайык» действует, как икона.

Повесил молитвенную ленту среди экспозиции советского времени, чтобы полегче было.

Билик — неизвестное знание. По географии, астрономии сколько мы знаем небесных сфер, кроме атмосферы? В билике — девять: небо поверхности земли, уровня хребтов Алтая, «белые тучи» и так далее — до «бессчётного неба». Оттуда залетело в эти места «Мировое яйцо», как назвал Шодоев свою находку. Вначале думал, что это просто каменное яйцо, а потом понял, что вокруг него от ядра Земли до Полярной звезды вращается энергия и возникает форма из девяти ступеней. И он нашёл эту небесную форму в горах — вот она. Идол, которому молились, состоит из девяти ступеней. Небо — из девяти слоёв. И в каждом слое свой бог и свой бурхан — место, где развивается душа. Человек — тоже бурхан, созданный для того, чтобы развивалась душа. В билике её целая типология: суус — душа, приходящая из космоса, кэм — душа зародыша, кут — душа ребёнка, дюла — душа больного человека, — это когда уходит положительный заряд и человек становится беспомощным, как ребёночек. Если он умрёт, наступит другая стадия развития души — узют, душа умершего, а после сорока дней, если грехов немного, — тюлкас, душа после очищения (но в рай души не попадают, ад у алтайцев есть, а рай нет).

А ещё бывают «одинокие души», когда человек мучается, скитается, не находит себе места. Это происходит оттого, что космическая душа, которая обычно проникает в утробу двух матерей (и одна из них рождает девочку, а другая мальчика) — никуда не проникает... Но если эти половинки души, которая находится на небе во время зачатия, эти мальчик и девочка — найдут на земле друг друга, это будет очень хорошо, говорит Шодоев, — будет семья. Он слышал, что в Японии изобрели прибор, с помощью которого находят будущих мужа и жену, и не удивляется, в билике это есть. Ребёнок, который зачат в период с первого по пятнадцатое белого полнолуния, будет доброжелательным к людям. А если зачатие состоится с пятнадцатого краснолуния до первого чернолуния, в человеке будут заложены чёрные мысли, поэтому старики говорят: подожди, не спи с женой эти дни, сейчас чернолуние...

Кто-то улыбнётся, но что мы вообще-то знаем о тайне появления ребёнка, его связи с небом и людьми (по алтайским поверьям, ребёнок, кстати, вообще похож не на родного отца, а на «генного» — нарушившего невинность девушки). Холерики, меланхолики — это всё объяснимо, считает Шодоев. Он, когда работал в школе директором, говорил учителю: медленного ребёнка не торопи, в нём это заложено, изменить нельзя. А вот изменить повседневное поведение можно. Мы воспитываем тело, а воспитыв-

вать надо душу. Шодоев думает: было бы хорошо, если бы в России изменили идеологию, мировоззрение и перешли от первичности материи к первичности духа. Он многих спрашивал на Алтае и в Москве: зачем вы пришли к власти, стало ли от этого легче человеческой душе? Написал на русском языке Президенту России, но ответа нет... Я сказал Шодоеву: они, по моему, находятся слишком высоко, выше вашего божества. Он засмеялся. Ничего, сказал, если билик научно подтвердить, сможем прогнозировать будущее наших детей, их судьбу.

Однажды, когда он читал об этом лекцию, к нему подошла молоденькая учительница и спросила: скажите, когда зачать ребёнка, чтобы был справедливым, искренним, честным? Шодоев ответил ей: а не пожалеешь? Ему жить будет трудно.

Рерихнутые

Первые рериховцы появились в Усть-Коксе в конце семидесятых. Прижились нормально. Один из них, вспоминают, работал в райисполкоме и читал в клубе лекции, тогда многие вообще первый раз услышали о Николае Рерихе, что был такой в этих краях...

Среди последователей учения попадались разные люди. У одних служение идее выражалось в конкретном деле: открывали библиотеку, музей. Другие болтались в рериховских местах, как до этого в других. Третьи нуждались в психиатрической помощи. Местные запомнили одного миссионера, который работал в школе учителем иностранного языка, пел бардовские песни под гитару и нещадно лупил учеников по лбу линейкой. Разный был народ: голодал, ел травы, купался в проруби в сорок градусов мороза, ходил на Белуху набираться таинственной жизненной энергии, и местные тоже увлекались, но прошло. Да и смотря где, говорят, это происходило: одно дело в Верхнем Уймоне или Катанде и другое — в Уиндене, где много пришлых и рериховцы среди них.

Всякие случались превращения.

В селе Мульта я познакомился с женщиной по фамилии Ленская, которая поначалу вызвала смутную ассоциацию с Пушкиным, но тут же её развеяла, сказав мне: «Но Ленский, мой муж, — он не Владимир, а я не Татьяна». Она была театральная актриса, увлеклась рериховским учением — всё бросила, приехала, тут от него отошла и приняла старообрядчество «московского белокрыницкого течения». В Барнауле её венчали с мужем, бывшим архитектором и потомком митрополита Филарета. Надежда Ивановна в длинном платье и повязанном по-бабы платке с очень живым и светским выражением лица подошла ко мне в школе, где ведёт театральный кружок, и сказала, что очень смущена своим занятием лицедейством, хотела бы учить детей духовным стихам, но ей не разрешают.

В селе сложные отношения между местными «старыми староверами» и приезжими — «новыми». Те и другие — истинные староверы, но одни беспоповцы, ходят в молельный дом, а другие построили церковь и переманивают молодёжь. В связи с этим происходят стычки. Как сказала мне завуч школы Наталья Максимовна, родители не боятся, что ребёнок закурит, запьёт, а боятся, что уйдёт в другую веру.

Хотя нельзя сказать, чтобы молодёжь была сильно верующей. Ну, в воскресенье никто ничего делать не будет (но это и в других деревнях). Дом новый строят — позовут освящать бабушек. Поста не соблюдают, но пьяниц хоронят немало в сторонке, рядом со старым кладбищем растёт новое. Традиция сохраняется благодаря опыту подготовки не столько к жизни, сколько к смерти: у кого время подходит, уходят к старушкам, они молятся и отпевают.

В жизни кое-где сохранились имена: Финоген Амосович. А в родословных — Виний, Меркурий — его в своё время забрали в НКВД, Физа, Февруся, Лампея... В Верхнем Уймоне староверы появились на сто лет раньше, и тут набралось три музея. Один тридцать лет собирала местная учительница Раиса Павловна Кучуганова.

Из того, что она мне рассказывала, нарядившись в старинную одежду и сидя у печки (так что получилось вроде спектакля), запомнилось, как в доме старовера подерживали санитарно-гигиенические условия: вставали в четыре утра и чистили, драили стены к празднику до тех пор, пока хозяйка не скажет: «Однако, бабы, хватит, уже деревом пахнет». У собирательницы музея был разговор с одним местным дедом, он спросил: кого Бог не любит? Злого, ответила она. «Нет, девка, Бог не любит унылого и ленивого. А потому, — добавил дед, — и бедного...»

Бедные расплодились тут в советские времена в массовом количестве. Но характерно, что Николай Рерих с женой и сыном останавливались в 1926 году у человека состоятельного. Сохранился его портрет: сказочный такой дед с голубыми глазами и букетиком цветов. Его звали Вахрамей Атаманов, старовер, знал несколько иностранных языков, имел библиотеку и был проводником Рериха в этой местности. В горах, в Уймонской долине, о которой Рерих говорил, что она звенит.

Рериховская экспедиция прошла двадцать девять перевалов. Рерих звал Вахрамея в Гималаи, тот не поехал, в тридцатые годы попал в Нарым, там погиб. Семью разметало: одного сына расстреляли, другой убежал в Китай, откуда уехал в Америку. Сам Николай Рерих незадолго до смерти подал в советское консульство прошение о гражданстве, собираясь вернуться в СССР, слава богу, пришёл отказ, уже после смерти. Обо всём этом мне рассказали ребята из новосибирского рериховского общества, которые в Верхнем Уймоне восстанавливают дом крестьянина Атаманова — проводника Рериха. Дом строят добровольцы, приезжающие

отовсюду. Вообще-то, сказал мне один из них, нормальные люди не делятся на рериховцев и не рериховцев.

Но волна «рерихнутых» (так окрестили здесь иных представителей учения) оставила след: к приезжим отношение настороженное.

В Нижнем Уймоне, чуть поодаль от деревни, на хуторе поселились несколько молодых пар, хотят открыть свою школу. Ребята все с высшим образованием, Рашид Зануитдинов из Новосибирска — даже с двумя. Разработал свой курс математики для малышей, с комплектом из тысячи кубиков, вырезанных из кедра, на каждом выжжена цифра — можно выкладывать всякие закономерности. Ездит за семь километров на велосипеде под дождём и снегом в другую деревню, учит детей рисованию. Учителей не хватает, но школы приезжим не дают. «А кто они такие? Откуда? Учить нас приехали?» — возмущалась местный руководитель образования, когда я попробовал было вступить за ребят.

Сама Надежда Семёновна тоже когда-то была приезжей, но это забылось. Теперь она говорила о переселенцах: «Они как будто идут в народ искусственно, а у нас от корней. Вот я вам покажу...» И везла меня в село Тихонькое показывать фольклорный ансамбль, к слову, замечательный, дети пели проникновенно: «Расстанемся на время, а встретимся навечно...» А у вас, интересовался я, тут действительно тихонько? Ну, это как когда, отвечали мне.

Режиссёр Наталья Бондарчук поставила тут часовню — её сожгли. Бог знает, зачем. Почему мы так плохо живём? — спрашивали здешнего деда-старовера. «Да на коне едем чёрном». — «А раньше как?» — «Сначала белый конь был, потом красный...» — «А почему так плохо едем?» — «Да конь без узды». — «А дальше что будет?» — «Да, видно, конец света».

Жизнь наша — чудная. В Чимальском районе на горных склонах траву косят в «кошках». В селе Беш-Бельтир домашние роды по-деревенски: пока, говорят мне, достанешь машину, бензин, — вот тебе и «домашние»... А в Аносе сказочный магазин: на прилавках пусто, но весь в похоронных венках: «Дорогому мужу», «Дорогому брату» — на любой случай. «Ветераны попросили, — объяснили мне, — чтобы никуда не ехать. — И, помолчав, добавили: — Это, конечно, прекрасно, но ещё бы что-то — для жизни...»

А местное народное образование тоже можно понять: один требует распространить листовки, чтобы не путали истинных рериховцев и ложных, другой дизайну учить хочет, а сам грязный ходит. Да, нехорошо, говорю я, пытаюсь одновременно, на примерах, убедить Надежду Семёновну в общественной пользе чудиков. «Да я не против людей, у каждого, конечно, свой образ жизни», — как будто бы соглашается она. Но не до конца.

На той стороны Коксы обнаружился любопытный экземпляр. «Теософ-философ», — представился он с усмешкой, добавив что-то из Шукшина. Зовут — Борис. Ироничный, симпатичный, с бородкой. В горных американских ботинках, в которых ходил по горам всё лето, ночуя у подножия таинственной Белухи. Спустившись с гор, теософ-философ, как и я, проживал на тур-

базе, надо сказать, холодной, дрянной, неухоженной, где страшно несло из туалета, крюки на дверях были оторваны, но в корпусе подороже имелась комната отдыха с камином, ковром и телевизором, который теософ из своего дешёвого номера приходил смотреть и в вечернем разговоре за чаем просвещал меня об устройстве мира.

Оказывается, была-таки эпоха рая на земле. Семь тысяч лет назад, как сообщается во «всеясвятой грамоте» — банке информации со дня сотворения мира. Алфавит другой: сто сорок семь букв для непосвящённых, а для посвящённых — тысяча. Теософ два месяца ходил по горам, набираясь жизненной энергии. Мне говорил о синтезе цветов, букв, звуков. Чтобы понять социум, говорил он, надо выйти из него...

Этот гостиничный сосед, мой сверстник, не в пример мне был в отличной спортивной форме. Я подумал, что его подъёмы на Белуху — это продолжение походов молодости, из которой я выпал, а он вот, худой, как палка, всё ходит и ходит. И глаза блестят, как у маньяка.

...И вот, говорит он, когда один, другой выходят на иной уровень информации, тогда все пути сходятся. Снисхождение духа и восхождение человека. Дух соединяется с материей, синтез форм ведёт к гармонии развития. А если нет, тогда...

Это он прав, думаю, последнее время никакой тебе гармонии. Сидишь как приклеенный к письменному столу, экология, сами понимаете, от московской воды — осадок, давление скачет, дороговизна, нервоотрёпка, рожи разные по телевизору и вокруг; если сам не выйдешь из социума, — вынесут ногами вперёд. Поэтому я и удираю из дорогой моей столицы, золотой моей Москвы куда-нибудь подальше, на вечные снега Алтая, а вовсе не из-за сбора жизненного писательского материала, как сам себя уговариваю, — это ерунда, писателю не обязательно и даже не надо знать жизнь, не нужно слишком хорошо знать предмет, о котором пишешь, как сказал Габриэль Маркес.

«...Цвет, число и вся эзотерика, —

нагружает меня тайными знаниями теософ, — андреевский флаг — на белом фоне голубой крест, это структура микро-социума, и фиолетовое пламя...» — «Что за пламя?» — не понял я. — «Учение космическое, — отхлебнул чая теософ, — из Америки...»

Тут я ему сообщил, что меня в его теории немного смущает: в Америке, несмотря на пламя, нормально, а здесь без конца андреевские флаги. Он засмеялся. «Но пока ты не нашёл, — сказал он мне, — своё место в природе, ничего не выйдет».

Поговорили о корнях. Москва, по церковно-славянскому словарю двенадцатого века, — «мутная вода». Кремль — крепкий град, кремь. Путин? Путь или путы, пока неизвестно. Но благодаря тому, что заводы в России не работают, перебой с теплом и светом — озоновая дыра затянулась. Голодовка тоже не случайна — освобождение людей от шлака. Всё идёт по сценарию: влияние Атлантиды через Россию, софийский символ, всё в символах предвидится...

«А жизни нормальной тут не предвидится?» — поинтересовался я.

Он погрыз сухарь и с сомнением покачал головой.

Сын теософа-философа женат на француженке и живёт в городе Амстердаме, среди каналов, неподалёку от дома Боруха Спинозы и квартала красных фонарей. Теософ туда время от времени наезжает, но жить там ему скучно. Обитает в Бийске, на хлеб зарабатывает, помогая друзьям ставить бани. А с голландцами, говорит он, можно и на Алтае поговорить, в горах кого только не встретишь. Свой день рождения Борис встретил у подножия Белухи, альпинисты натянули канат, предложили поднять... Тут он посмотрел на меня и предложил купить у него американские горные ботинки, возьмёт недорого, на обратную дорогу деньги надо. Он был на Саянах, у Байкала, всё облазил. Общая ситуация такова: пока не восполним обрезанную информацию до полной и не уберём искажения, будем работать на уничтожение. Раньше держалось на дисциплине, железном занавесе, а сейчас всё действует:

слово, символ. Время безвременья по тайному христианству, когда возможно всё, даже невозможное...

В то время как мы с ним сидим на турбазе, философствуем и пьём чай с сухариками, командование по телевизору сообщает, что затонувшая подводная лодка считается воинским захоронением. И концы в воду... Вот суки. «А чего от них ждать? — замечает теософ. — Глупо ждать от них разумного, доброго, вечного». И переходит в другую систему.

Я раньше, говорит, брал в горы рюкзак килограмм двадцать пять. Потом вижу: продукты портятся, палатка не нужна. Другой идёт, птица — ф-р-р-р! — спугнул, а я прохожу, она не взлетает. И когда это единство осознаёшь, это слияние с природой, — такую испытываешь радость... «Белый цвет свободы труда, число семь как тайна бытия, тайна вечной жизни и слово свобода...» — бормотал теософ-философ той ночью на турбазе, бормотал что-то, рассказывал, а я как дурак записывал, такая у меня привычка, диктофоном не пользуюсь, персонального нет — всё дедовским способом. Тут вот я не успел записать, о чём он говорил? Кажется, о том, что человек человеку может помочь четырьмя способами: деньги, вещи, физически, духовно. И эта помощь находится в какой-то связи с гармонией, хочешь гармонию, ты должен что-то отдать (уж не о ботинках ли он?).

В общем, достал меня своей философией и я дал ему денег на дорогу. Но американские горные ботинки покупать не стал. На кой чёрт мне они. Я не собираюсь лезть на вершину Белухи, которую не покорили даже альпинисты. И соединять фиолетовое пламя с андреевским флагом тоже не стану.

Но всё-таки что-то соединить надо? Страшненьким подвесным мостом, на одной стороне которого весёлая охотничья турбаза, а на другой — грустный Тюнгур, свадьба и похороны, новые староверы и старые, истинные рериховцы и ложные, все вместе, в одной-единственной, звенящей Уймонской долине, окаймлённой хребтами.

Всегда остаётся несколько возможностей. Послать подальше. Борьба за соединение и присоединение. А может, попробовать посмотреть на происходящее с какой-то другой позиции? Может быть, нужен один прекрасный кадр — с перспективы вечных снегов Алтая?

* * *

Прошлым летом, в соответствии с предсказаниями о конце света, у подножия Белухи собрались тысячи паломников. Для местных из Тюнгура, Кучерлы это была не трагедия, не печаль ожидания конца, а радость, большая радость, потому что цена лошади с проводником поднялась до небес, за литр молока давали сто рублей, за хлеб — двадцать...

Народ расположился у горы, поставил палатки и стал ждать. Небо, как назло, было безоблачным. Прождав конца света дней десять, публика, к великому огорчению местных, рассосалась... **НО**